

съ ученіемъ св. Амвросія Медіоланскаго. — Съ внѣшней стороны разбираемое сочиненіе не можетъ быть признано вполне удовлетворительнымъ: въ немъ не только встрѣчаются неудачныя выраженія, но даже пропуски важныхъ цитатъ, подтверждающихъ высказанную мысль.“

Доцента Н. А. Заозерскаго о сочиненіи студента *Всѣхсвятскаго Павла*: „Организація духовно-учебныхъ заведеній по уставамъ 1814, 1867--69 и 1884 гг.“

„Названное сочиненіе представляетъ дов. сжатый очеркъ исторіи устройства духовно-учебныхъ заведеній и исторію постановки въ нихъ ученой и учебной, воспитательной и экономической частей, начиная съ царствованія Екатерины II-й и по настоящее время. Сочиненіе не вполне окончено: для послѣдней части—т. е. обзорнія экономіи духовно-учебныхъ заведеній представленъ только конспектъ.

Въ прѣдлежащемъ видѣ сочиненіе имѣетъ свои достоинства: первое изъ нихъ—это сжатость изложенія. Обладая, кромѣ основнаго источника—самаго текста уставовъ духовно-учебныхъ заведеній, весьма обработанными монографіями въ видѣ „исторій академій“ и „исторій семинарій“, авторъ постоянно имѣлъ при работѣ своей на глазахъ опасность быть подавленнымъ огромнымъ матеріаломъ и превратиться въ расплывчатаго компилятора этого матеріала. Онъ оказался въ силахъ преодолѣть эту опасность и въ своемъ сочиненіи представилъ основательный, дѣльный и полный историческій очеркъ: его нельзя упрекнуть въ неточности, въ невѣрности сообщаемыхъ свѣдѣній. Во 2-хъ, авторъ обладаетъ способностью излагать мысли связно и логически стройно; языкъ и стиль его—отличаются ясностію, точностію и простотою-своиствами дѣловаго языка.

Имѣя въ виду эти достоинства сочиненія, признаю его удовлетворительнымъ для кандидатской диссертациі. Но именно принимая во вниманіе присущія автору вышеозначенныя добрыя качества, не могу удержаться отъ выраженія упрека автору въ нѣкоторой холодности въ отношеніи къ избранному имъ предмету своихъ занятій. Великая задача и великое значеніе духовно-учебныхъ заведеній не только для жизни церковной, но и для національно-государственной, за тѣмъ—весьма не приглядная внѣшняя обстановка этихъ заведеній, ихъ въ прежнее время едва не нищенскій бытъ—образуютъ такой сильный контрастъ, который казалось бы способенъ былъ расшевелить сердце самое неподатливое къ уча-

ценнымъ біеніямъ. Въ сочиненіи автора, какъ *ученомъ изслѣдованіи* этотъ энтузіасмъ долженъ бы обнаружиться въ тщательной отдѣлкѣ деталей школьной жизни, опирающейся на тщательномъ воспроизведеніи вѣрной исторической дѣйствительности. Но въ авторѣ ни разу не проглянулъ *историкъ*: его сочиненіе похоже на обстоятельный, но официальный ревизорскій отчетъ“.

Экстраординарнаго профессора І. А. Татарскаго о сочиненіи студента *Вукотича Николая*: „Петръ II Петровичъ Нѣгошъ, Владыка и Господарь Черногоріи“.

„Сочиненіе студента Николая Вукотича, писанное на тему: „*Петръ II Петровичъ Нѣгошъ, Владыка и Господарь Черногоріи*“, имѣетъ своею задачею представить общій характеръ и значеніе его политической и литературной дѣятельности. — Указавъ въ особомъ предисловіи на имѣвшіяся у него подъ руками научныя пособія, авторъ предпосылаетъ изложенію своего предмета небольшое введеніе, въ которомъ бросаетъ общій взглядъ на первоначальную исторію Черногоріи, на происхожденіе въ ней теократіи и на состояніе страны при владыкахъ Даниилѣ Петровичѣ Нѣгошѣ и Петрѣ I-мъ. Введеніе это позволяетъ автору не только весьма удачно оріентироваться въ своемъ предметѣ, но и осязательно представить намъ историческую необходимость важнѣйшихъ внутреннихъ реформъ и внѣшнихъ политическихъ мѣропріятій, послѣдовавшихъ при владыкѣ Петрѣ II.

Самое изложеніе избраннаго предмета авторъ, сообразно съ существомъ дѣла, раздѣляетъ на три главы. — Въ первой главѣ онъ сообщаетъ свѣдѣнія о дѣтствѣ и юности Петра II до его правленія Черногоріей. Указавъ здѣсь на заботы владыки Петра I-го о приготовленіи себѣ достойнаго преемника, онъ излагаетъ причины, почему окончательный выборъ его палъ на Радивоя (мірское имя владыки Петра II) Петровича. Опредѣливъ за тѣмъ время и мѣсто рожденія Радивоя, онъ набрасываетъ живую характеристику его домашней жизни и воспитанія и этимъ даетъ ключъ къ уразумѣнію общаго характера и направленія его послѣдующей политической и литературной дѣятельности. — Во второй главѣ авторъ подробно излагаетъ политическую дѣятельность владыки Петра II, сопровождая свое изложеніе весьма убѣдительными указаніями на особенно важное значеніе этой дѣятельности составляющій поворотный пунктъ во всей политической исторіи Черногоріи. — Третья глава сочиненія предназначена была авторомъ для изображенія литературной дѣятельности владыки Петра II; но эта

послѣдняя, за недостаткомъ времени (авторъ взялъ тему для своего сочиненія лишь въ генварѣ мѣсяцѣ текущаго учебнаго года), изложена въ ней весьма кратко, въ видѣ лишь конспективнаго перечня всѣхъ произведеній владыки.

Сочиненіе автора дышетъ похвальною любовію къ избранному предмету, отличается здравомысліемъ и безпристрастіемъ въ его изложеніи и какъ обработанное съ видимымъ усердіемъ по лучшимъ имѣвшимся у него подъ руками источникамъ,—можетъ быть признано удовлетворительнымъ“.

Доцента Н. А. Заозерскаго о сочиненіи студента *Георіевскаго Николая*: „Воззрѣнія современныхъ свѣтскихъ писателей на устойчивость брачныхъ узъ, требуемую церковью, и оцѣнка этихъ воззрѣній“.

„Предметомъ для своихъ занятій по составленію диссертациі авторъ избралъ одинъ изъ живыхъ вопросовъ современности, разрабатываемыхъ по преимуществу нашею свѣтскою печатью — вопросъ о бракѣ. Этому вопросу посвящены и посвящаются и ученые монографіи, и замѣтки и наблюденія, и строго художественныя, и тенденціозно-беллетристическія произведенія—литература громадная, пестрая, разногласящая. Авторъ и задался цѣлію разобраться въ этомъ хаосѣ миѣній, распредѣлить всѣхъ этихъ мыслителей, поэтовъ и публицистовъ по категоріямъ и сказать свое слово оцѣнки достоинства каждой изъ сихъ категорій. Свою задачу авторъ выполнилъ слѣдующимъ образомъ.

Во всей разногласицѣ миѣній нашихъ свѣтскихъ писателей о бракѣ авторъ подмѣчаетъ прежде всего общій всѣмъ имъ основной тонъ—„въ этомъ тонѣ слышится борьба между идеализмомъ закона и матеріализмомъ жизни“ (стр. 14): напа свѣтская печать (почти всецѣло) выступаетъ съ протестомъ противъ той устойчивости брачнаго союза, какой требуетъ совершеннѣйшій христіанскій институтъ брака. — Но разсматривая за тѣмъ способъ, какимъ ведется этотъ протестъ, авторъ находитъ слѣдующе крупное различіе: одни свѣтскіе писатели ведутъ борьбу болѣе рѣшительно и послѣдовательно, другіе протестуютъ въ умѣренномъ и сдержанномъ тонѣ, а именно: первый классъ писателей подходит къ рѣшенію вопроса объ устойчивости брака, начиная съ *основанія* его, пытаясь рѣшить вопросъ, что такое есть самый то бракъ? Вопросъ рѣшается не одинаково. Авторъ различаетъ три фракціи мыслителей въ этомъ классѣ: а) одни видятъ въ бракѣ только договоръ и при томъ договоръ чисто *экономическаго* характера

(А. Я. Ефименко, П. С. Ефименко и др.); б) другіе смотрятъ на бракъ какъ на *союзъ чувственный* (здѣсь авторъ пользуется главнымъ образомъ художественнымъ романомъ Л. Толстаго: *Анна Каренина*); в) третьи видятъ въ бракѣ союзъ по преимуществу *этический* (Баранцевича: „семейный очагъ“, Михайлова: „мужъ и жена“ и др.). Каждой фракціи сихъ писателей авторъ отводитъ отдѣльную главу, въ коей и даетъ имъ характеристику (см. гл. 1, 2, 3). Въ гл. IV-й авторъ характеризуетъ 2-й классъ писателей, протестующихъ противъ устойчивости брачныхъ узъ не столь рѣшительно, именно требующихъ только облегченія развода и введенія разножитія супруговъ (Загоровскій, Способинъ, Арсеньевъ и проч.). Такова первая часть сочиненія (стр. 1—167). Во 2-й (положительной) части авторъ изображаетъ сначала христіанское ученіе о сущности брака, указывая въ немъ неизмѣримое превосходство предъ ученіями нашихъ свѣтскихъ писателей (чѣмъ и побиваетъ ихъ), за тѣмъ — онъ останавливается на вопросѣ о призваніи женщины — какъ матери — вопросѣ, который имѣетъ глубокое значеніе въ сужденіи о цѣли и достоинствѣ брака и однако же нашими свѣтскими писателями оставляемъ безъ должнаго вниманія. Этимъ авторъ подготовилъ себѣ основаніе для опроверженія протеста тѣхъ писателей, которые требуютъ свободы брачнаго развода, каковое опроверженіе и представляетъ въ слѣдующей за тѣмъ главѣ и симъ оканчиваетъ сочиненіе.

Таковъ путь, которымъ авторъ шелъ и пришелъ къ выполненію задачи, ясно выставленной въ предисловіи къ сочиненію.

Сочиненіе его читается легко и съ неослабѣвающимъ интересомъ: оно составлено логически стройно, послѣдовательно и изложено весьма выработаннымъ языкомъ; начитанность автора вполне достаточна для раскрытія темы. Признаю сочиненіе вполне удовлетворительнымъ для кандидатской диссертациі.

Доцента А. П. Шостына о сочиненіи студента *Губкинскаго Петра*: „Религіозное обученіе по воззрѣніямъ Гербарта и его послѣдователей“.

„Кромѣ краткаго предисловія (стр. 1—9), сочиненіе г. Губкинскаго заключаетъ въ себѣ четыре главы. Изъ нихъ въ первой (стр. 10—48) выясняется общій характеръ педагогики Гербарта и его послѣдователей въ отличіи отъ педагоговъ другихъ направленій; во второй главѣ (стр. 49—144) довольно обстоятельно раскрывается и обсуждается воззрѣніе Гербарта на цѣль воспитанія; затѣмъ въ третьей (стр. 145—174) указывается взаимное

отношеніе обученія (Unterricht) и нравственнаго воспитанія (Zucht); наконецъ — въ четвертой (стр. 175—209) авторъ показываетъ, какъ изложенными въ предыдущихъ главахъ основными положеніями Гербарта опредѣлилось его отношеніе къ собственно религіозному обученію. Въ заключеніи (стр. 209—213) дѣлается нѣсколько краткихъ и очень осторожныхъ критическихъ замѣчаній по поводу существеннѣйшихъ мыслей Гербарта.

Извѣстно, что у самого Гербарта можно найти лишь очень немного, мимоходомъ и почти случайно высказанныхъ, замѣтокъ о религіозномъ обученіи. Гораздо болѣе и подробнѣе писали объ этомъ его послѣдователи. Къ нимъ-то, главнымъ образомъ, и слѣдовало бы обратиться нашему автору, остановившись на системѣ Гербарта лишь настолько, насколько это требовалось для выясненія тѣхъ основныхъ общихъ принциповъ гербартіанской педагогики, изъ которыхъ вытекало такое или иное отношеніе гербартіанцевъ къ собственному религіозному обученію. Авторъ-же, какъ это явствуетъ изъ перечня главъ его сочиненія, почти все свое вниманіе сосредоточилъ на системѣ самого Гербарта и только взрѣдка обращается къ послѣдователямъ его (именно — къ Циллеру и Вайтцу). Недостатокъ этотъ находитъ себѣ объясненіе и нѣкоторое извиненіе въ томъ, что серьезно занявшись изученіемъ Гербарта и одолѣвъ нелегкій языкъ его, авторъ невольно увлекся оригинальностію этого глубокаго мыслителя и вліятельнаго педагога. Дѣйствительно, Гербарта онъ изучилъ весьма добросовѣстно и уразумѣлъ совершенно основательно, а это потребовало, конечно, труда и времени немалаго.

Другимъ недостаткомъ въ разсматриваемомъ сочиненіи нужно признать тяжеловѣсную, изъ длинныхъ періодовъ сотканную, рѣчь. Лучше было бы, если бы авторъ помевыше стремился къ буквальному переводу тяжелаго нѣмецкаго подлинника и, вмѣсто того, далъ бы во многихъ случаяхъ вольный, но вполне понятный и точно-соотвѣтствующій мыслямъ Гербарта, перифразъ.

Для кандидатской степени трудъ совершенно достаточный“.

Доцента Н. А. Заозерскаго о сочиненіи студента *Дороватовскаго Николая*: „Слѣдственный процессъ въ современномъ судопроизводствѣ русской церкви“.

„Совершенно специальное сочиненіе автора представляетъ двѣ разнородныя части: въ 1-й (стр. 11—47) излагается теорія слѣдственного судопроизводства, выработанная западною наукою каноническаго права; во 2-й представляется исторія образованія и

практики слѣдственного судопроизводства нашими духовными консисторіями и высказывается сужденіе автора о достоинствѣ его. Первая часть служитъ для автора основаніемъ и устанавливаетъ точку зрѣнія, держась которой онъ (во 2-й части) и производитъ свои изысканія въ исторіи нашего духовно-слѣдственного процесса (начиная съ Петра Великаго и до настоящаго времени). Эта постановка дѣла сама собою возбуждаетъ въ читателѣ вопросъ: почему авторъ поставилъ въ основаніе своего изслѣдованія теорію процесса, выработаннаго западными католическими канонистами? Какое отношеніе имѣетъ эта теорія къ нашему духовно-судебному процессу? Удовлетворительнаго отвѣта на этотъ вопросъ не дается въ сочиненіи автора. Авторъ опустилъ изъ виду то обстоятельство, что каноническая теорія слѣдственного процесса ко времени Петра Великаго была общепризнанною и общепринятою и въ гражданскихъ судахъ Западной Европы и потому Петръ Великій, все перестраивавшій по западнымъ образцамъ явился между прочимъ проводникомъ въ нашемъ процессѣ и этой канонической теоріи. Если бы авторъ принялъ во вниманіе это обстоятельство, то между двумя частями его сочиненія теоретической и исторической связь образовалась бы самая неразрывная; между тѣмъ въ его сочиненіи эта связь едва усматривается.

За исключеніемъ этого недостатка, сочиненіе въ общемъ обнаруживаетъ достаточное знакомство автора съ предметомъ, даетъ дов. полный историческій очеркъ слѣдственного судопроизводства, сопровождаемый дѣльными замѣчаніями о недостаткахъ практикуемаго нынѣ духовными слѣдователями и консисторіями порядка судопроизводства. Признаю сочиненіе удовлетворительнымъ для кандидатской степени“.

Ректора Академіи Архимандрита Антонія о сочиненіи студента *Знаменскаго Александра*: „Распространеніе и утвержденіе христіанской вѣры между Остяками и Самоѣдами“.

„Обширное сочиненіе, стоившее автору немало труда и увѣнчавшееся несомнѣннымъ успѣхомъ. Авторъ съ похвальнымъ усердіемъ собиралъ нужныя для него свѣдѣнія по множеству различныхъ провинціальныхъ изданій и малоизвѣстныхъ забытыхъ и затерянныхъ книгъ и актовъ, отчасти даже рукописныхъ. Будучи сыномъ покойнаго миссіонера, авторъ исполняетъ свою работу съ замѣтнымъ сердечнымъ сочувствіемъ какъ къ подвигу самыхъ миссіонеровъ, такъ и къ достойнымъ состраданія сѣвернымъ иноплеменникамъ, столь рѣдко его встрѣчающимъ со стороны русскихъ

людей, имѣющихъ съ ними отношенія преимущественно торговля, почти всегда соединенныя съ обманомъ, спайваньемъ и даже подчасъ насиліемъ. Это послѣднее условіе инородческой жизни и описываетъ авторъ въ своемъ Введеніи къ изслѣдованію, предпосылая ему краткое, но обстоятельное описаніе природы и быта остяковъ и самоѣдовъ, затѣмъ въ первой части сочиненія онъ излагаетъ исторію христіанской проповѣди между Остяками, во второй — между Самоѣдами, а въ третьей говоритъ „о желательной постановкѣ миссіонерскаго дѣла среди инородцевъ“. Объ этой послѣдней главѣ нужно сказать, что она написана очень растянуто и повторяетъ распространенно лишь тѣ мысли, которыя авторъ приводитъ при изложеніи самой исторіи миссій. Лучшая глава есть первая, обширнѣйшая во всемъ сочиненіи (около половины). Здѣсь авторъ съ особенно горячимъ одушевленіемъ говоритъ объ извѣстномъ Митрополитѣ—схимонахѣ Теодорѣ Лещинскомъ, миссіонерскую дѣятельность котораго старается не только описать исторически, но и уяснять причины ея успѣха; послѣднія онъ находитъ, какъ въ правильныхъ взглядахъ сего подвижника на самое существо миссіонерскаго дѣла, такъ и въ его апостольскомъ настроеніи—самоотверженной преданности Богу и сердечной долготерпѣливой любви къ инородцамъ. Вообще все, что можно вывести теоретическаго и принципіальнаго изъ краткихъ и нерѣдко отрывочныхъ свѣдѣній о жизни и дѣятельности проповѣдниковъ вѣры, авторъ не опускаетъ изъ своего сочувственнаго вниманія и потому его работа получаетъ интересъ не только съ точки зрѣнія церковной исторіи, но и пастырскаго богословія. Степени кандидата богословія, а также и напечатанія въ духовномъ журналѣ (послѣ нѣкоторыхъ сокращеній) сочиненіе заслуживаетъ несомнѣнно“.

Ординарнаго профессора Е. Е. Голубинскаго о сочиненіи студента *Ильинскаго Владимира*: „Иовъ, первый патріархъ Московскій“.

„Сочиненіе г. Ильинскаго состоитъ изъ пяти главъ. Въ первой главѣ онъ говоритъ о жизни Иова до возведенія въ патріархію; во второй главѣ — о возведеніи Иова въ патріархи и вмѣстѣ объ учрежденіи патріаршества въ Россіи; въ третьей главѣ, подраздѣляющейся на два отдѣла,—о дѣятельности Иова церковной и государственной; въ четвертой главѣ о смерти Иова съ краткой его характеристикой; въ пятой главѣ—о литературной дѣятельности Иова.

Сочиненіе г. Ильинскаго не можетъ быть признано свободнымъ

отъ недостатковъ. Есть у него излишнія рѣчи о предметахъ ие-
важныхъ при противоположной скудости рѣчей о предметахъ важ-
ныхъ; есть у него рѣчи и совсѣмъ не нужныя или не идущія къ
дѣлу; есть у него преувеличенія, и иногда очень большія, какъ
въ смыслѣ порицанія, такъ и въ смыслѣ похвалы; есть у него
рѣчи о нѣкоторыхъ предметахъ совсѣмъ неосновательныя; на-
конецъ, что касается до вѣшняго изложенія, то не свободенъ отъ
реторики въ неодобрительномъ смыслѣ этого послѣдняго слова.
Но, будучи несвободнымъ отъ недостатковъ, сочиненіе г. Ильин-
скаго имѣетъ достоинство большаго ученаго труда, посвященнаго
очень обширному предмету. Какъ таковой большой ученый трудъ,
отличающійся при томъ же не однимъ объемомъ (1128 страницъ
съ 23 страницами приложевій), но и внутренними положительными
достоинствами, мы считаемъ справедливымъ признать сочиненіе
за очень хорошее сочиненіе“.

Ректора Академіи Архимандрита Антонія о сочиненіи студента
Ювичича Стефана: „Жизнь и дѣятельность Св. Саввы, перваго
Архіепископа и Просвѣтителя Сербовъ“.

„Свое небольшое изслѣдованіе авторъ мало освѣтилъ съ точки
зрѣнія Пастырскаго Богословія, но изложилъ его въ видѣ обык-
новенной исторической біографіи. Правда, онъ потрудился пере-
читать не только всѣ ученыя изслѣдованія о Св. Саввѣ на рус-
скомъ и сербскомъ языкахъ, но и ознакомился съ житіями-перво-
источниками на его тему: при всемъ томъ лишь нѣкоторые со-
бытія изъ жизни Святителя изложены въ сочиненіи научно, съ
приведеніемъ разнообразныхъ ученыхъ мнѣній, большая же часть
жизнеописанія имѣетъ характеръ лѣтописный. Наибольшій инте-
ресъ его заключается въ нѣкоторыхъ соотношеніяхъ тогдашняго
положенія Сербской церкви, ея епархій и обителей, съ современ-
нымъ, извѣстнымъ автору, какъ природному сербу. Принимая во
вниманіе то, что ему приходилось преодолѣвать, и не безуспѣшно,
трудности русскаго языка, а также живость изложенія, считаю
возможнымъ признать сочиненіе достойнымъ степени кандидата
богословія“.

Доцента Н. А. Заозерскаго о сочиненіи студента *Казанскаго
Константина*: „О вмѣненіи“.

„Воззрѣніе антрополого-позитивной школы на преступнаго чело-
вѣка какъ на аномалію въ физическомъ или психическомъ отно-
шеніяхъ оказало значительное возбуждательное вліяніе въ сферѣ
уголовнаго права, самымъ близкимъ образомъ коснувшись вопроса

о вмѣненіи преступнику совершеннаго имъ дѣянія. Въ какой мѣрѣ человѣкъ можетъ быть признанъ авторомъ преступнаго дѣянія, на сколько глубоко обусловливаютъ совершеніе его причины социальныя, экономическія?—разрѣшеніе этихъ вопросовъ въ духѣ школы Ломброзо послѣдовательно привело къ радикально-новымъ воззрѣніямъ въ рѣшеніи капитальныхъ вопросовъ уголовного права о преступленіи и наказаніи. Новыя воззрѣнія оказали глубокое вліяніе не только на науку уголовного права, но и на самое законодательство разныхъ Европейскихъ государствъ. Новая постановка вопроса о преступленіи и наказаніи обѣщаетъ въ будущемъ радикально измѣнить не только дотолѣ дѣйствовавшія въ законодательствахъ уголовныя теоріи, но произвести глубокое измѣненіе во всемъ строѣ общественныхъ отношеній съ конечною цѣлю—совершенно обезопасить общество отъ преступленій и преступныхъ людей, указавіемъ для сего средствъ болѣе цѣлесообразныхъ, чѣмъ какія дотолѣ давало уголовное правосудіе. Авторъ подлежащаго сочиненія и избралъ своею задачею въ сжатомъ видѣ представить новѣйшія криминальныя теоріи главнымъ образомъ по вопросу о вмѣненіи преступленія и дать оцѣнку этихъ теорій, имѣя въ виду ученіе каноническаго права о вмѣненіи. Эта послѣдняя цѣль и служила для автора сильнѣйшимъ мотивомъ къ трудамъ его по ознакомленію съ различными направленіями современной науки уголовного права.

Сочиненіе представляетъ дов. ясные признаки похвальнаго усердія автора въ осуществленіи принятой имъ на себя задачи. На стр. 23—28 имъ представленъ перечень книгъ, прочитанныхъ имъ для составленія сочиненія: — для одного года авторомъ сдѣлано весьма много.

Самый предметъ своего сочиненія авторъ раскрываетъ такимъ образомъ. Первоначально онъ говоритъ *объ основаніяхъ вмѣненія*, развивая здѣсь то положеніе, что человѣкъ въ здоровомъ состояніи своихъ душевныхъ силъ всегда имѣетъ *свободу выбора* между разными рѣшеніями и потому является отвѣтственнымъ за этотъ выборъ (стр. 29—45); указываетъ на голосъ совѣсти и внѣшній законъ, какъ на критеріи оцѣнки добрыхъ и дурныхъ дѣйствій, послѣ чего переходитъ къ различенію суда церковнаго и государственнаго (47—68), затѣмъ выясняетъ различіе между вмѣненіемъ нравственнымъ и юридическимъ (стр. 69—81), вмѣненіемъ полнымъ и неполнымъ (стр. 81—102).

Доселѣ авторъ старался какъ будто уяснить читателю свою

точку зрѣнія на предметъ сочиненія, высказать — что разумѣть онъ подъ именемъ вмѣненія? Но при этомъ для читателя не ясно — на чемъ основывается это теоретическое построеніе автора. Имѣетъ-ли онъ въ виду принятый въ дѣйствующемъ нынѣ законодательствѣ взглядъ или что другое — это совѣмъ не ясно: въ своихъ разсужденіяхъ онъ цитируетъ и статьи закона, и Св. Писаніе, и Св. Отцовъ и мнѣнія нѣкоторыхъ нашихъ писателей. Не было бы, повидимому, ущерба для сочиненія, если бы и совѣмъ исключить эти разсужденія. Въ дальнѣйшихъ частяхъ сочиненія авторъ стоитъ уже на болѣе положительной и твердой почвѣ, а именно: разсматриваетъ основоположенія вмѣненія по канонамъ древней восточной церкви (103—145). Эту часть сочиненія авторъ самъ называетъ „краткимъ изложеніемъ каноническаго ученія о вмѣняемости и невмѣняемости преступленій“ — оно дѣйствительно таково: но въ интересахъ автора было бы восполнить этотъ отдѣлъ изложеніемъ пастырскихъ святоотеческихъ наставленій о духовной аскетикѣ и духовномъ врачеваніи. Далѣе авторъ излагаетъ ученіе о вмѣненіи и невмѣняемости по русскому уголовному праву въ исторической послѣдовательности его памятниковъ, начиная съ Русской Правды и оканчивая дѣйствующимъ нынѣ уложеніемъ о наказаніяхъ (149—272); наконецъ излагаетъ новыя воззрѣнія на вмѣненіе — антрополого-позитивной школы (273—344) — главнымъ образомъ Ломброзо, Ферри и Тарда.

Въ концѣ сочиненія авторъ въ „заключеніи“ представляетъ резюме изложенныхъ въ мнѣніи о вмѣненіи и относительно отечественнаго уголовного законодательства говоритъ слѣдующее: „для нашего законодательства въ его будущей, можетъ быть не единственной, реформѣ—двѣ дороги: одна ведетъ въ пустыню матеріализма, родственнаго Бюхнеру и Фогту—это тотъ путь, по которому идутъ теперь антрополого-позитивисты, другая—къ Церкви, за которой наше законодательство издревле слѣдовало и у которой училось миловать виновнаго“ (стр. 350).

Вообще сочиненіе отличается серьезностью содержанія и заслуживаетъ того, чтобы авторъ продолжилъ труды свои для изданія его въ болѣе полномъ и отчетливомъ изложеніи; для кандидатской степени признаю его вполне удовлетворительнымъ.

Доцента Н. А. Заозерскаго о сочиненіи студента іеродіакона *Каллиста*: „Номоканонъ Фотія патріарха Константинопольскаго“.

Своими извѣстными изслѣдованіями по исторіи византійскаго гражданскаго и церковнаго права Zachariae von Lingenthal почти

достигъ того, что его мнѣніе о непринадлежности знаменитаго номоканона въ XIV т. патріарху Фотію сдѣлалось господствующимъ. По предположенію von Lingenthal'я этотъ номоканонъ былъ составленъ въ два приѣма: первый авторъ (въ царствованіе Юстина изъ Тиберіа) составилъ каноническую синтагму, состоящую изъ слѣдующихъ частей: во 1-хъ изъ *repertorium*'а канонѡвъ: это есть точный указатель числовыми цитатами канонѡвъ, раздѣленныхъ по матеріи на 14 титуловъ; во 2-хъ изъ самаго текста этихъ канонѡвъ, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ соборѡвъ, ихъ издавшихъ; въ 3-хъ изъ свода государственныхъ законовъ до церкви относящихся, извѣстнаго въ изданіяхъ подъ именемъ *Collectio tripartita*. Второй авторъ, не долгое время спустя послѣ перваго (къ концу царствованія Ираклія) преобразовалъ эту синтагму въ номоканонъ. Сдѣлалъ это онъ очень просто: оставивъ неприкосновенною каноническую часть синтагмы, онъ занялся исключительно гражданскою ея частію — *collectio tripartita*. Изъ всего этого свода онъ выбралъ нѣкоторыя мѣста и внесъ ихъ въ *repertorium* канонѡвъ, размѣстивъ ихъ по главамъ титуловъ; впрочемъ онъ при этой работѣ не ограничился только компиляціею, но значительно улучшилъ текстъ *collectio tripartita*—отбросивъ изъ него не нужное, онъ за то привелъ отъ себя и дополненія, и исправленія—работа, обличающая въ немъ свѣдущаго и талантливаго юриста. Такимъ образомъ номоканонъ былъ обработанъ въ половинѣ VII-го вѣка—за долго до Фотія какимъ-то византійскимъ юристомъ. Цахаріэ сдѣлалъ попытку рѣшить вопросъ и о томъ кто былъ этотъ юристъ. Основываясь на мѣстѣ 10 гл. IV тит. Номоканона Цахаріэ утверждаетъ, что таковымъ былъ византійскій юристъ царствованія Ираклія, многочисленныя схоліи коего къ юстиніановымъ пандектамъ находятся въ Базиликахъ. Здѣсь эти схоліи надписываются нарицательнымъ словомъ *ερατιοφαυός*. Этотъ *ερατιοφαυός* и есть авторъ номоканона.

Справедливо заслуженный авторитетъ Цахаріэ былъ причиною того, что его остроумная догадка склонила почти всѣхъ канонистовъ на сторону ея изобрѣтателя. Но оставалось однакожъ нѣчто въ Номоканонѣ и въ пользу Фотія, какъ автора Номоканона, чего Цахаріэ не опровергъ.

Защиту авторства Фотія и взялъ на себя студентъ іеродиаконъ Каллистъ въ разсматриваемомъ сочиненіи.

Такъ въ пользу авторства Фотія говоритъ предисловіе, особенно 2-я его часть, гдѣ авторъ Номоканона, не называя себя по имени,

а) обозначаетъ однакоже годъ изданія имъ Номоканона (883-й), б) точно повѣствуя о своей редакторской работѣ по отношенію къ синтагмѣ, онъ говоритъ, что сдѣлалъ съ него то, что Цахаріэ приписалъ неизвѣстному юристу VII-го вѣка; в) описывая свою работу, неизвѣстный авторъ IX-го вѣка выдаетъ себя и нѣкоторыми особенностями *стиля* — *стиль есть человекъ*. Защитникъ авторства Фотія и занялся тщательнымъ сравненіемъ стиля предисловія съ сочиненіями патріарха Фотія и представилъ весьма вѣскія параллели, доказывающія, что *Ἀμφιλόχεια* и предисловіе принадлежатъ перу одного автора, имени Фотія.

Вопреки утверженію Цахаріэ, что имя Фотія какъ автора Номоканона стало извѣстно только со времени Вальсамона и неизвѣстно по рукописямъ Номоканона X и XI вв., защитникъ его представляетъ выдержку изъ Зонары, въ которой Фотій прямо называется авторомъ номоканона, за тѣмъ указываетъ на рукопись X вѣка, принадлежащую Іерусалимской патріаршей библіотекѣ, въ которой Фотій прямо называется авторомъ 2-й части предисловія: „*Πρόλογος Φωτίου πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως*“¹⁾.

Но остается главное препятствіе противъ признанія авторства Фотія: ибо въ самомъ Номоканонѣ (10 гл. IV т.) авторъ номоканона называетъ себя *Ἐναντιοφανής*. — Защитникъ Фотія употребилъ главнѣйшую часть своихъ усилій на устраненіе этого препятствія и достигъ замѣчательно плодотворныхъ результатовъ.

Кто такой былъ этотъ энантіофанесъ?

Его личность, какъ юриста опредѣляется единственно его сочленіями, изданными въ Базиликахъ. И авторъ дѣйствительно употребилъ много труда на изученіе его схолій и схолій иныхъ юристовъ, изданныхъ въ Базиликахъ. Въ результатъ оказалось во 1-хъ слѣдующее: схоліасты Базиликъ, какъ извѣстно, раздѣляются на старшихъ (*παλαιοί*) и младшихъ. Первые принадлежатъ къ вѣку послѣ юстиніановскому (VIII в.), вторые къ очень позднимъ временамъ (послѣ XI-го в.), напѣ авторъ представляетъ вѣскія доказательства, что *Ἐναντιοφανής* никоимъ образомъ не можетъ быть причисленъ къ первымъ: въ схоліяхъ своихъ онъ цитируетъ этихъ старыхъ схоліастовъ, то называя ихъ собственными именами, то эпитетомъ *παλαιός*. — Итакъ энантіофанесъ — авторъ Номоканона — къ юристамъ VII-го вѣка не можетъ быть причисленъ. — Но кто же

¹⁾ Точное описаніе этой и другой рукописи той же патріаршей библіотеки представлено авторомъ въ видѣ приложения къ сочиненію.

онъ? — Этотъ энантифанесъ есть не кто иной, какъ образованнѣйшій юристъ IX вѣка—знаменитый патріархъ Фотій. Сильнѣйшее доказательство въ пользу этого утвержденья авторъ представляетъ въ сравненіи схолій энантифанеса съ сочиненіемъ Фотія: *Τα Ἀμφιλόχεια*. Сходство схолій Энантифанеса съ *Ἀμφιλόχεια* и въ методѣ и въ самыхъ выраженіяхъ — поразительное (стр. 110—117). Мало того, въ подстрочномъ примѣчаніи (стр. 116) авторъ говоритъ: „должно замѣтить, что слово *ἐναντιοφανής* у классиковъ не встрѣчается, какъ и у позднѣйшихъ писателей до Фотія. Въ первый разъ оно встрѣчается у патріарха Фотія въ Амфилохіяхъ стр. 234 (Аѳинск. изд.) и въ Номок. (10 гл. IV т.)“. Собственно говоря, это положеніе, что энантифанесъ — Фотій есть основная идея и главный нервъ всего сочиненія іеродіакона Каллиста; оно побудило автора къ тщательному изученію исторіи составленія „анакафарсиса древнихъ законовъ“ при Василии Македонскомъ, біографіи Фотія—съ цѣлю выяснитъ, что книга „*περὶ ἐναντιοφανῶν*“, изъ которой обильныя схолии приведены въ *Βασιλικαῖς*, могла явиться именно въ царствованіе Василія Македонскаго, какъ необходимая подготовительная работа къ изданію *Βασιλικῶν*, и совершенно не нужна была въ царствованіе Ираклія, какъ занимавшагося исключительно войнами, что патріархъ Фотій былъ одинъ изъ дѣятельныхъ участниковъ въ кодификаціонной комиссіи, работавшей надъ анакафарсисомъ, и что въ это именно время всего естественнѣе должно было появиться и номоканону въ XIV титуловъ—этому „анакафарсису церковно-гражданскихъ законовъ“.

Такова задача, которую поставилъ себѣ и которую разрѣшилъ авторъ разсматриваемаго сочиненія. Въ видахъ правильной оцѣнки достоинства сочиненія я долженъ сказать, что основная идея и планъ осуществленія ея принадлежать не автору, а мнѣ, его руководителю. Но авторъ воспринялъ эту идею, пошелъ по пути, мною указанному, и я долженъ признать, что выполнялъ свою работу съ усердіемъ, съ энтузіазмомъ. Для одного года трудъ, подъятый авторомъ—громадный! Весьма желательно, что-бы въ интересахъ канонической науки это сочиненіе скорѣе явилось на свѣтъ, разумѣется съ нѣкоторыми исправленіями внѣшности своей“.

Доцента А. П. Шостыина о сочиненіи студента *Καναβινα* *Αλεξία*: „Педагогическія воззрѣнія въ свящ. писаніяхъ Соломона и Иисуса, сына Сирахова, и ихъ вліяніе на древне-русское воспитаніе“.

„Обозрѣвъ въ предисловіи (стр. I—XXI) литературу своего

вопроса и намѣтивъ планъ изслѣдованія, г. Канавинъ посвящаетъ довольно обширное (стр. 1—81) введене первой части выясненію основной идеи писаній Соломона и Иисуса Сирахова—идеи мудрости (хокма). Рассмотрѣніе этой идеи естественно привело затѣмъ автора къ вопросу о томъ, какъ и гдѣ приобрѣтали мудрость еврейскіе зокаимы. Первая глава поэтому изслѣдуетъ вопросъ объ учительской дѣятельности пророковъ, въ связи съ вопросомъ о воспитаніи и обученіи у евреевъ вообще (стр. 81—139). Вторая глава (стр. 140—221) содержитъ въ себѣ характеристику общаго міровоззрѣнія Соломона и Сираха, поскольку этимъ міровоззрѣніемъ опредѣлялись ихъ педагогическіе взгляды. Наконецъ—третья глава первой части представляетъ систематизацію воспитательныхъ наставленій, разсѣянныхъ въ изобилии въ писаніяхъ Соломона и Сираха (стр. 223—338). Во второй части своего изслѣдованія авторъ предположилъ „показать отраженіе педагогическихъ воззрѣній, содержащихся въ свящ. писаніяхъ Соломона и Сираха, въ древне-русскихъ педагогическихъ и другихъ назидательнаго характера литературныхъ памятниковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ указать, насколько эти памятники способствовали религіозно-нравственному воспитанію древней Руси въ духѣ ветхо-завѣтной библейской морали“.—Осуществить это предположеніе автору не вполне удалось: за недостаткомъ времени онъ успѣлъ представить лишь *конспектъ* второй части (стр. 339—401), впрочемъ — конспектъ настолько подробный, что по нему можно судить, какъ много потрудился авторъ и для этой части изслѣдованія.

Если бы эта вторая часть, вмѣсто конспекта, представляла собою такое же полное и обстоятельное изслѣдованіе и была столь же тщательно обработана въ литературномъ отношеніи, какъ часть первая, то сочиненіе несомнѣнно заслуживало бы высшей похвалы. Для кандидатской же степени оно совершенно достаточно и въ настоящемъ видѣ“.

Ординарнаго профессора Н. И. Субботина о сочиненіи студента *Кедрова Александра*: „Какъ образовались раскольническіе толки поповщины и безпоповщины и какое между ними различіе въ ученіи и правилахъ“.

„Сочиненіе раздѣлено на три главы. Въ первой, послѣ краткаго изложенія исторіи происхожденія раскола, говорится о поповщинѣ и возникшихъ къ ней толкахъ, во второй о безпоповщинѣ и явившихся въ ней толкахъ, въ третьей излагается общій взглядъ на поповщину и безпоповщину.“

Послѣдняя глава, вообще неудовлетворительно написанная, напрасно выдѣлена изъ послѣдовательной исторіи возникновенія секты, такъ какъ, избѣгая говорить здѣсь о характерѣ той, или другой секты, объ основныхъ ея ученіяхъ, сочинитель не могъ ясно показать, какъ именно эти основныя ученія способствовали самому образованію, или появленію секты. Это неудобство особенно ясно обнаружилось въ первой главѣ. Не показавъ тѣхъ каноническихъ основаній, которыми поповцы оправдывали и оправдываютъ принятіе бѣглыхъ поповъ, не сказавъ ничего о такъ называемомъ „чинопріемѣ“, онъ не могъ показать съ достаточною ясностію происхожденія наприм. такой важной секты, какъ Дьяконовщина. Первая глава (какъ и третья) написана вообще не вполне удовлетворительно. Здѣсь, между прочимъ, какъ объ особой поповщинской сектѣ авторъ говоритъ, и довольно пространно, хотя и не воспользовавшись наиболѣе важными источниками, объ Онуфріевщинѣ, тогда какъ она въ сущности не выдѣлялась изъ общаго безпоповщинскаго раскола, и напротивъ упоминаетъ только мимоходомъ о Лужковской сектѣ, составлявшей и составляющей особый и примѣчательный толкъ въ поповщинѣ. Побужденія, вызвавшія учрежденіе австрійской іерархіи, равно какъ ея значеніе въ Поповщинѣ недостаточно выяснены, а о предшествовавшихъ ей учрежденію попыткахъ раскольниковъ пріобрѣсти архіерея и совѣтъ не сказано. Вторая глава, о безпоповцахъ, написана удовлетворительнѣе. Въ достоинство сочиненію слѣдуетъ поставить ясное и послѣдовательное изложеніе“.

Доцента Н. А. Заозерскаго о сочиненіи студента *Кочанова Евгенія*: „Имущества и управленіе ими, доходы и расходы Св. Синода за первыя десять лѣтъ его существованія“.

„Совершенно специальное сочиненіе студ. Кочанова по исторіи церковно-финансоваго права ставитъ своего задачею: изслѣдовать финансовую часть занятій Св. Синода за первыя десять лѣтъ его существованія. Въ частности авторъ ставитъ свою обязанностью: обозрѣть управленіе Синода имуществами: а) ему собственно принадлежавшими и имуществами монастырей, состоявшими подъ его управленіемъ, б) указать доходныя статьи и в)—расходы. Эту задачу авторъ и исполнилъ въ предлежащемъ сочиненіи.

Такъ, въ главѣ 1-й (16—104) онъ представляетъ сначала подробное описаніе недвижимыхъ земельныхъ имуществъ и изображаетъ то состояніе ихъ, въ какомъ принялъ ихъ Св. Синодъ въ 1721 году по уничтоженіи монастырскаго приказа; затѣмъ дов. по-

дробно остаивается надъ изображеніемъ печальнаго положенія бумажнаго завода (въ Москвѣ) и типографіи (Московской и С.-Петербургской), за тѣмъ изображаетъ мѣры Св. Синода, предпринимавшіяся къ улучшенію положенія этихъ имуществъ и введенію хорошаго порядка управленія ими.

Во 2-й главѣ авторъ занимается подробнымъ указаніемъ *видовъ* дохода Св. Синода, каковы разные сборы и пошлыны (окладные и неокладные, стр. 105—188).— Въ главѣ 3-й—съ такою же обстоятельностью авторъ опредѣляетъ и исчисляетъ расходы Св. Синода (159—252).

Сочиненіе вполне окончено и обработанно. Авторъ усердно отнесся къ своему дѣлу: онъ добросовѣстно воспользовался монографіями по этому предмету Горчакова, Милютина, Куковского, Милокова, Зианенскаго и др. и весьма усердно занимался первоисточниками: Полнымъ Собр. законовъ, собраніемъ постановленій по вѣд. Прав. Испов. и описаніемъ документовъ и дѣлъ архива Св. Синода.

Признаю сочиненіе его, вполне заслуживающимъ искомой имъ степени кандидата Богословія“.

Доцента А. И. Введенскаго о сочиненіи студента *Кулюкина Сергія*: „Законы мышленія, какъ выраженіе самостоятельности и автономности психическаго начала въ человѣкѣ“

„Сочиненіе очень обширное—свыше тысячи страницъ (1024) Кромѣ введенія, оно состоитъ изъ двухъ частей, изъ которыхъ первая излагаетъ исторію вопроса (стр. 53—259, глава I) и даетъ критику основныхъ типовъ въ его рѣшеніи (стр. 257—454, гл. II), а вторая даетъ положительное рѣшеніе вопроса, — выясняетъ, что такое мышленіе (глава 1-я, стр. 455—670), каковы его формы (глава II, стр. 671—959) и законы (глава III, стр. 960—1017). Въ заключеніи сочиненія авторъ формулируетъ свои выводы въ нѣсколькихъ точныхъ тезисахъ (въ виду этого излагаетъ содержаніе сочиненія излишне).

Однимъ изъ наиболѣе замѣтныхъ недостатковъ сочиненія г. Кулюкина служитъ недостатокъ формальной обработки. При обширности сочиненія, недостатокъ, конечно, естественный и понятный, но тѣмъ не менѣе достойный сожалѣнія. Авторъ не успѣлъ какъ должно овладѣть обширнымъ, собраннымъ имъ матеріаломъ и по этому вмѣсто результатовъ своей работы въ большей части сочиненія, даетъ лишь черновикъ. Читателю приходится знакомиться по сочиненію не столько съ тѣмъ, какъ авторъ судитъ о *предметѣ*,

сколько съ тѣмъ, какъ онъ относится къ существующимъ въ литературѣ *мнѣніямъ* о предметѣ и къ „*авторамъ* этихъ мнѣній. Противъ этихъ историко-критическихъ справокъ, въ сущности, конечно, ничего имѣть нельзя. Но послѣ, того, какъ имъ отведена вся первая часть сочиненія, скучно и утомительно слѣдить, когда и во второй, положительной части, вмѣсто прямыхъ и положительныхъ разъясненій дѣла, авторъ продолжаетъ напоминать, что Вундтъ о томъ-то думаетъ такъ-то, Ибервегъ и Эрдманъ—такъ-то и т. д. Вообще очень жаль, что авторъ ввелъ въ текстъ всѣ свои историческія справки и всю подготовительную работу, которой мѣсто развѣ лишь подъ строкою и то въ сокращеніи. Жаль также, что иногда, безъ настоящей необходимости, онъ захватываетъ такіе вопросы и вводитъ такія разсужденія, которыя съ цѣлымъ стоятъ лишь въ шаткой и отдаленной связи. Таково, напр. общее разсужденіе о значеніи Гегелевой философіи (325—345): для защиты Гегеля и оправданія его философіи оно слишкомъ кратко и мало убѣдительно, для сочиненія-же, при его частной и спеціальной задачѣ, длинно и обременительно. Сюда же должно быть отнесено, напр., описаніе нервной системы, изложенное въ началѣ I-й главы 2-ой части по Спеенсеру, и нѣкоторыя другія мѣста сочиненія. Вслѣдствіе этихъ вставокъ планъ сочиненія, въ общемъ ясный и правильный, — затемняется, такъ что читатель иногда теряетъ изъ виду основную задачу труда. Что вслѣдствіе всего этого въ сочиненіи должны встрѣчаться повторенія, разнорѣчія, колебанія и т. д.—это, конечно, понятно. Понятно также и то, что, написавъ столь обширное сочиненіе, авторъ не могъ обработать его вполне тщательно со стороны стиля. Этотъ недостатокъ, вѣроятно, исчезъ бы, если бы сочиненіе было короче.

Второй выдающійся недостатокъ сочиненія состоитъ въ его излишней оригинальности. Авторъ вообще очень самостоятеленъ и стоекъ въ отстаиваніи своихъ мнѣній. Но иногда было бы лучше, если бы онъ держался принятыхъ и-установившихся въ философской литературѣ взглядовъ. Такъ, напр., онъ очень настойчиво проводитъ взгляды, будто „понятія, какъ особой формы мышленія, нѣтъ“ (стр. 682, 700, 734: „понятіе, какъ форма мышленія, давно должно быть сдано въ архивъ“); будто „представленіе и сужденіе въ сущности одно и то же“ (849); будто въ сущности есть одна единственная форма мышленія—представленіе, такъ что мышленіе слѣдуетъ опредѣлить, какъ „создаваніе представлений“; будто „мышленіе и воля представляютъ собою одинъ и тотъ-же

фактъ“ (621); будто „познаніе вообще есть то же, что и воля (824) и др. Произошли всѣ эти увлеченія и преувеличенія отъ того, что автору хотѣлось какъ можно рельефнѣе выставить активный и свободный характеръ мышленія. Задача сама по себѣ почетная и плодотворная; но она не требовала такой коренной ломки установившихся логическихъ взглядовъ, какую представляеть сочиненіе. Вотъ почему, при чтеніи нѣкоторыхъ его страницъ и даже отдѣловъ, кажется, будто авторъ забылъ напоминаіе логики: *qui nimium probat, nihil probat*. Но и независимо отъ этихъ, обусловленныхъ общею задачею сочиненія, ошибочныхъ или одностороннихъ мнѣній автора, въ сочиненіи встрѣчаются по отдѣльнымъ частнымъ вопросамъ сужденія поспѣшныя и мотивированныя недостаточно. Такъ, отнесеніе Дживонса къ представителямъ метафизическаго направленія логики спорно, и самъ авторъ колеблется, слѣдуетъ-ли его отнести къ формалистамъ или метафизикамъ (стр. 194), а сопоставленіе его съ Гегелемъ крайне шатко (199—200). Характеристика логики Чичерина неопредѣленна то онъ Гегельянецъ, то волюнтаристъ (205). Вопросъ о реальности познаваемого поставленъ шатко и рѣшенъ неясно (591 и слѣд.). Вопросъ о категоріяхъ затронуть бѣгло и тезисъ автора мотивированъ недостаточно (650 и слѣд.). Въ этихъ и другихъ недосмотрахъ, конечно, виновата также излишняя обширность сочиненія.

Мы считаемъ, однако, несправедливымъ относится черезъ чуръ строго къ отмѣченнымъ недостаткамъ и недосмотрамъ автора. При краткости времени, при обширности и сложности задачи, они въ значительной мѣрѣ извинительны и даже неизбежны. Достоинства же сочиненія заставляютъ насъ, не смотря на отмѣченные его недостатки, въ общемъ отозваться о сочиненіи съ большою похвалою. Сочиненіе написано на основаніи непосредственнаго и основательнаго знакомства съ выдающимися трудами по логикѣ (Канта, Гегеля, Ибервега, Вундта, Дробиша, Эрдмана, Спенсера, Милля, Каринскаго и мн. др.); задумано широко и смѣло; его основная мысль,—мысль о томъ, что наше познаніе свободно и активно,—какъ мы уже отмѣтили и выше, заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія и отвѣчаетъ современнымъ запросамъ мыслящаго сознанія; мышленіе автора гибкое и тонкое; отношеніе къ дѣлу самостоятельное; языкъ, за исключеніемъ сравнительно немногихъ, слабѣе написанныхъ, страницъ, сильный и выразительный; въ сочиненіи разсѣяно много мѣткихъ и дѣльныхъ замѣчаній и сужденій,

обнаруживающихъ въ авторѣ любовь къ философіи и склонность относиться къ философскимъ вопросамъ внимательно и вдумчиво. Въ виду этого мы должны признать сочиненіе вполне заслуживающимъ степени кандидата“.

Ординарнаго профессора М. Д. Муретова о сочиненіи студента *Мещерскаго Василія*: „Святой Апостоль любви и Евангелистъ Іоаннь Богословъ (его жизнь и благовѣстническіе труды)“.

„Подъ такимъ заглавіемъ сочиненіе г. Мещерскаго содержитъ: а) *предисловіе* о важности предмета, задачъ сочиненія, пособіяхъ и пр. (стр. I—LIV),—б) *главу первую*, въ которой сообщаются разныя свѣдѣнія о Галилеѣ, какъ (предполагаемой) родинѣ Іоанна Богослова (стр. 1—119),—в) *главу вторую*, въ которой говорится о родителяхъ Іоанна, о его воспитаніи, о пребываніи у Іоанна Предтечи и о первомъ призваніи его Спасителемъ (стр. 120—504),— и г) *главу третью*, въ которой обзрѣвается жизнь Іоанна Богослова со времени окончательнаго (вторичнаго) призванія его въ число учениковъ Христовыхъ до вознесенія Господа на небо и дѣлается попытка начертать характерныя особенности духовной природы возлюбленнаго ученика Господня (стр. 505—891).

Представляется, прежде всего, страннымъ несоотвѣтствіе виѣшняго объема сочиненія (945 страницъ, по 24 строки въ среднемъ довольно убористаго письма) съ бѣдностію прямыхъ и косвенныхъ научно историческихъ свидѣтельствъ о жизни Іоанна Богослова за данный періодъ. Объясненіе этому явленію даютъ слѣдующія особенности разсматриваемаго сочиненія:

1) *Отсутствіе ясно предначертанной и строго продуманной задачи труда*. Сочинитель не опредѣлилъ отчетливой грани между евангельской исторіей вообще и мѣстомъ Іоанна Богослова въ этой исторіи. Отсюда: свѣдѣнія о Галилеѣ (первая глава), разсужденія о воспитаніи Богослова и его жизни въ Іудействѣ (вся почти вторая глава) и большая часть послѣдней главы, стремящейся начертать отношеніе Іоанна Богослова къ *собственно* евангельской исторіи — въ одинаковой мѣрѣ могутъ быть примѣнимы и къ жизни Ап. Петра, Іакова, Маттея. Говоря картинно: общенаучныя даты и евангельская исторія у сочинителя являются не фономъ и не обстановкою только картины, для начертанія на ней главнаго образа Іоанна Богослова, — но образъ Іоанна терлется въ самой этой обстановкѣ или, такъ сказать, ступшевывается на картинѣ какъ второстепенная частность.

2) *Обиліе ненаучныхъ, т. е. ненужныхъ гипотезъ*, служащихъ

яко бы къ уясненію, но на дѣлѣ только къ затемнѣнію дѣйстви-тельно-историческаго образа Іоанна Богослова. Въ данномъ случаѣ сочинитель, кажется, подражаетъ новымъ популяризаторамъ, приближающимся къ романистамъ евангельской исторіи, не понимая глубокаго и существеннѣйшаго различія между популяризаціей или романомъ и научною гипотезою. Научная гипотеза всегда является плодомъ насущной необходимости, для удовлетворенія запросовъ научной совѣсти и научнаго разума по отношенію къ такой научно-исторической датѣ, которая въ данное время не имѣетъ положительнаго разъясненія, т. е. не гипотетическаго. Напротивъ, романистъ и популяризаторъ придумываетъ разныя вѣроятности и возможности лишь для *наглядности и занимательности* изложенія предмета,—возможности ненужныя, научными датами не требующіяся и никакой трудности научной не устраняющія. Примѣръ: чтобы объяснить рѣчь Господа къ Наонаилу и воззваніе послѣдняго (Іоан. 1, 47—50), или названіе братьевъ Зеведеевыхъ Воанергесъ, то есть сыны громовы (Марк. 3, 17) и под.,—ученые, какъ древняго такъ и новаго времени, обращаются къ болѣе или менѣе вѣроятнымъ предположеніямъ, къ анализу души и характера Наонаила и братьевъ Зеведеевыхъ. Но придумывать мысли и чувства, возможныя для какого-либо историческаго (евангельскаго) лица при видѣ, напримѣръ, Галилейскаго озера, при взглядѣ на поля, ручьи, горы, при посѣщеніи тѣхъ или другихъ городовъ палестинскихъ, особенно Іерусалима и храма: это и подобное все будетъ уже ненужною для науки фантазіей популяризатора—романиста.

3) *Частья уклоненія въ общія и ненужныя разсужденія* о предметахъ постороннихъ и общихъ (напр. объ ораторахъ стр. 805 сл.), къ дѣлу прямо не относящихся,—*постоянныя повторенія и вообще растянутость изложенія*. Сюда же кстати надо присоединить вычурность оборотовъ, фразистость и иногда неестественность стилия, напримѣръ: „на духовномъ *очагѣ* мерцали дарованія, которыя *развиѣтуютъ* (на очагѣ *горитъ* огонь, а не *ростутъ* дарованія, которыя *развиѣтуютъ* ..стр. 443),—о словахъ Господа у Луки 9, 55—56 авторъ говоритъ: „это такія слова, должны быть выбиты золотыми буквами и сохраняться воѣмъ человѣчествомъ“ (стр. 646: выраженіе это, умѣстное въ устахъ язычника, странно для христіанина, вѣрующаго въ непреходящность евангелія и вѣчность церкви христовой,—и притомъ: для чего же золотыя именно буквы?),—„у синоптиковъ Христосъ является ге-

роемъ, окруженнымъ небожителями,—здѣсь (т. е. въ евангелии Иоанна) *простымъ мудрецомъ* (??), имѣющимъ глаголы живота вѣчнаго“ (стр. 732),—*чарующему* (чары=волхвованію?) вліянію личности Спасителя“ (стр. 770),—„Іоаннъ въ немногихъ словахъ изображаетъ *физиономію* (?!) какъ отдѣльныхъ лицъ такъ и цѣлыхъ обществъ“ (стр. 818),—„заслышавъ шорохъ боязливыхъ шаговъ, Спаситель“... (стр. 428),—„прощальная бесѣда Господа такъ *очаровала* (?) возлюбленнаго ученика“ (стр. 876),—и под. многія.

Но при этихъ недостаткахъ, къ сожалѣнію глубоко и существенно проникающихъ все сочиненіе, оно не лишено и многихъ достоинствъ, изъ коихъ главныя суть:

1) *Обиліе научныхъ пособій*, бывшихъ подъ руками автора при написаніи имъ своего сочиненія—историческихъ, филологическихъ, текстуально-критическихъ, археологическихъ, экзегетическихъ, коихъ авторъ въ предисловіи указываетъ до 84 названій, не считая мелкихъ журнальныхъ статей и брошюръ. Такое обиліе пособій при сравнительно небольшомъ количествѣ времени представляется если и не удивительнымъ, то во всякомъ случаѣ свидѣтельствомъ о чрезвычайномъ трудолюбіи автора.

2) Въ особую похвалу сочинителю надо вмѣнить *широкую начитанность его въ древне-христіанской литературѣ* и обиліе пользованіе древне-христіанскими истолковательными трудами Златоуста, Августина, Теофилакта и мн. другихъ по катенамъ Крамера и Кордерія, и по изданію Миня—*Script. Sacrae Cursus completus*.

3) Въ характеристикахъ, въ описаніи душевныхъ состояній, въ объясненіи дѣйствій лицъ евангельской исторіи авторъ обнаруживаетъ, по мѣстамъ, незаурядную *тонкость нравственно-психологическаго анализа* и значительную опытность распознаванія и уясненія явленій нравственно-религіозной области.

4) Все сочиненіе проникнуто искреннею *любовью* къ начертаемому авторомъ образу великаго апостола любви и Богослова,—каждая строка согрѣта теплымъ религіознымъ чувствомъ,—сочинитель, какъ это вездѣ замѣтно, работалъ надъ предметомъ не внѣшне и механически, но вложилъ въ свой трудъ всѣ свои чувства, помыслы, пожеланія, всю душу всего себя. А вслѣдствіе этого сочиненіе, по мѣстамъ, поднимается до истинно поэтическаго вдохновенія и увлекаетъ съ собою читателя въ высшія области духовной жизни, доставляя тѣмъ высокое наслажденіе.

Принимая во вниманіе эти, крайне рѣдкія въ современныхъ ученыхъ работахъ, достоинства съ одной стороны,—и чрезвычайную трудность предмета и ограниченность времени, извиняющихъ вышеуказанные недостатки сочиненія— съ другой стороны: нахожу трудъ г. Мещерскаго не только совершенно достойнымъ кандидатской степени, но и заслуживающимъ полной похвалы“.

Ординарнаго профессора М. Д. Муретова о сочиненіи студента *Мозолевскаго Григорія*: „Обличительная рѣчь Господа нашего Иисуса Христа противъ книжниковъ и фарисеевъ (Матѳ. XXIII гл.)“.

„Послѣ краткихъ замѣчаній объ отношеніи обличительной рѣчи Господа противъ книжниковъ и фарисеевъ, содержащейся въ евангеліи Матѳея въ 23-й главѣ, къ сходственнымъ мѣстамъ у Марка 12, 38—40 и Луки 20, 45—47; 9, 37—52 и 13, 31—35 (стр. 1—10),—сочиненіе предварено сжатымъ но живымъ, цѣлостнымъ и содержательнымъ очеркомъ о фарисеяхъ и книжникахъ, ихъ возникновеніи среди іудеевъ, ихъ особенностяхъ и пр. (стр. 10—63). Затѣмъ авторъ даетъ послѣдовательное историко-археологическое, филологическое и богословское толкованіе обличительной рѣчи Господа, раздѣляя ее на три части: увѣщательную (стихи 1—12, стран. 65—117), обличительную (стихи 13—33, стран. 118—235) и пророчественную (ст. 34—39, стран. 235—280).

Сочиненіе это есть плодъ серьезнаго труда автора по изученію источниковъ и пособій: текстуально-критическихъ (Тишендорфъ и др.), археологическихъ (Иосифъ Флавій, Мишна въ переводѣ Рабе, Лайтфутъ, Шеттгенъ, Вегштейнъ, Витринга, Вювше, словари Винера, Рима, Гамбургера и др.), библейско-историческихъ (Иостъ, Гфрѣреръ, Евальдъ, Гаусратъ, Кеймъ, Шюреръ и др.), филологическихъ (Буксторфъ, Шлейснеръ, Вилькій и др.) и экзегетическихъ новыхъ (Павлюсъ, Мейеръ, Вейссъ, Кейль, Кнабенбауеръ и др. мн.) и древнихъ (Оригенъ, Иларій, Златоустъ, Иеронимъ, Теофилактъ и Евѳ. Зигабинъ).

Не смотря на обиліе и разнообразіе научнаго матеріала, содержащагося въ указанныхъ пособіяхъ, авторъ не растерялся въ частностяхъ и не поддался соблазну для молодыхъ ученыхъ—нанизать длинную, но безцѣльную и малосмысленную цѣпь всевозможныхъ отрывочныхъ и случайныхъ замѣчаній, но овладѣлъ предметомъ съ полнымъ умѣньемъ и знаніемъ дѣла. Уже предварительный краткій очеркъ фарисейства сразу же бросаетъ яркій свѣтъ на предметъ, служа какъ бы прелюдией къ дальнѣйшему пословному и на три части раздѣленному толкованію обличительной рѣчи

Господа противъ книжниковъ и фариисеевъ. Но и въ этомъ частномъ толкованіи, авторъ вездѣ съумѣлъ избѣжать ненужныхъ и разсѣвающихъ предметъ по сторонамъ дробныхъ и случайныхъ примѣчаній,—и сообщить только такія историко-археологическія даты, которыя служатъ къ большому освѣщенію толкуемыхъ изрѣченій. Повсюду замѣтно, что авторъ трудился надъ предметомъ не какъ чернорабочій ремесленникъ, боящійся за каждую минуту своего труда и желающій обратить её въ плату, но какъ хозяинъ—художникъ, свободно располагающій своимъ достояніемъ и съ увѣренностію пользующійся имъ весьма умѣло. Благодаря этому сочиненіе г. Мозолеваго, при полнотѣ содержанія и обиліи научнаго матеріала, отличается сосредоточенностію, стройностію и цѣльностію.

Внѣшнимъ образомъ эти свойства труда г. Мозолеваго выражаются въ сравнительно—небольшомъ объемѣ сочиненія (280 страницъ). Эта не та краткость, которая зависитъ или отъ бѣдности творчества и ограниченности фантазіи и интеллекта писателя, или же отъ поверхности и бѣдности доступныхъ ему научныхъ областей,—но это такая краткость, которая обуславливается полнотою и отчетливостію изученія предмета съ одной стороны, и усиленною и постоянною работою надъ, такъ часто нынѣ пренебрегаемымъ, изложеніемъ или стилемъ.

Конечно, смотря на дѣло съ отрѣшенно—научной точки зрѣнія, можно бы пожелать отъ автора кое чего не мало въ отношеніи критики текста, іудейско-раввинскихъ источниковъ, перевода Іосифа Флавія на русскій языкъ, древне-христіанскихъ толкованій. Но по вышеуказаннымъ достоинствамъ,—и особенно по сосредоточенности, цѣльности и отчетливости, — трудъ г. Мозолеваго заслуживаетъ полнаго одобренія и совершенно достоинъ ученой степени кандидата богословія“.

Доцента А. И. Введенскаго о сочиненіи студента *Молчанова Николая*: „Ученіе Канта о нравственной природѣ человѣка и его теорія возрожденія“.

„Сочиненіе студента Молчанова есть плодъ старательнаго изученія двухъ критикъ Канта („Чистаго“ и „Практическаго“ разума) и „Религіи въ предѣлахъ одного только разума“. Результаты своихъ студій авторъ изложилъ въ трехъ главахъ: 1. „Положеніе вопроса о нравственной природѣ человѣка и теоріи возрожденія въ Кантовой философіи вообще, какъ исходная точка при ихъ рѣшеніи“ (стр. 13—83); 2. „Ученіе Канта о нравственной при-

родѣ человѣка“ (стр. 85—178); 3. „Ученіе Канта о возрожденіи“ (стр. 179—272). Сочиненію предпослано краткое (стр. 1—12) введеніе, въ которомъ авторъ выясняетъ свое отношеніе къ созданіямъ великихъ умовъ человѣчества—философовъ и поэтовъ—и ставитъ свою задачу. Не смотря на краткость, введеніе совершенно опредѣленно характеризуетъ нравственный обликъ и уровень развитія автора. Оно показываетъ, что онъ заканчиваетъ свое высшее образованіе, научившись относиться къ литературно-философскимъ произведеніямъ съ истинно философскою вдумчивостію. Подобнымъ же характеромъ отличается и постановка его частной задачи. „Сочиненія Канта,—говоритъ онъ,—имѣютъ значеніе какъ для философа теоретика, такъ и для моралиста; имѣютъ значеніе сами по себѣ безъ отношенія къ ихъ содержанию,—своимъ методомъ, духомъ чисто-философскаго отношенія къ предметамъ, который заключенъ въ нихъ. Уловить этотъ философскій характеръ сочиненій Канта и ставить, какъ одну изъ главныхъ своихъ задачъ, далѣе слѣдующее изложеніе его взглядовъ на состояніе человѣческой природы въ ея дѣйствительномъ и идеальномъ опредѣленіи“. Къ сожалѣнію, авторъ не вездѣ въ своемъ сочиненіи держится на высотѣ такъ серьезно поставленной задачи. Правда, иногда онъ поднимается до способности возсоздавать идеи Канта на основаніи ихъ внутренней, органической переработки и даетъ ихъ своеобразное толкованіе; но въ большей части своего сочиненія онъ передаетъ Канта его собственными словами или близко къ подлиннику. При томъ, языкъ автора далеко не безупречный. Его періодичная рѣчь по мѣстамъ тяжела и трудна для пониманія, по своей запутанности, такъ что въ этомъ отношеніи можетъ соперничать съ самимъ оригиналомъ. Однако, не смотря на этотъ ошутительный недостатокъ, въ виду вполне добросовѣстнаго отношенія къ дѣлу и обнаруженной въ сочиненіи способности понимать трудныя и тонкія философскія идеи, авторъ долженъ быть признанъ достаточнымъ степени кандидата богословія“.

Ректора Академіи, Архимандрита Антонія о сочиненіи студента *Никольскаго Ивана*: „Преподобный Максимъ Грекъ какъ нравоучитель“.

„Авторъ не мало потрудился при составленіи своего изслѣдованія, но съ первыхъ же строкъ уклонился отъ темы и увлекся такъ далеко въ сторону, что едвали треть его сочиненія имѣетъ прямое соотвѣтствіе съ заглавіемъ,—соотвѣтствующимъ же для даннаго

содержанія его работы заглавіемъ было бы такое: „нравы и воззрѣнія русскаго Общества по обличительнымъ твореніямъ преп. Максима Грека“. Авторъ сначала обратился къ такой матеріи по тому ложному убѣжденію, будто безъ обозрѣнія современныхъ проповѣднику нравовъ нельзя понять и его нравоученія, но затѣмъ онъ рѣшилъ, что и самое то нравоученіе всѣхъ церковныхъ писателей настолько сходно, что интересъ ихъ заключается лишь въ раскрытіи по немъ историческихъ данныхъ: остается спросить, зачѣмъ же авторъ бралъ такую тему, зачѣмъ вообще задаются описанія нравоученій различныхъ Отцевъ и писателей церковныхъ.

Стоитъ ли говорить о томъ, какъ сильно заблуждается историкъ, который обличенія проповѣдниковъ возводитъ на степень характеристики цѣлой эпохи, а не частныхъ уклоненій отъ недостижимой для цѣлаго общества полноты христіанскихъ совершенствъ? По этой логикѣ слѣдовало бы и св. Отцевъ, составлявшихъ покаянныя молитвы, напр. св. Іоанна Златоуста, считать людьми особенно преступными, черствыми, гордыми, исполненными всѣхъ пороковъ. Единственное извиненіе такого промаха для нашего автора заключается въ томъ, что онъ поддался вліянію писавшихъ на близкія ему темы лекомысленныхъ литераторовъ, искавшихъ случая поглумиться надъ нашими благочестивыми предками, плохого пошиба западниковъ, называющихъ византизмомъ ученіе Библіи и негодующихъ на то, что русскіе на все смотрѣли съ религіозной точки зрѣнія. Впрочемъ, если подобныя отступленія автора отъ темы лишены не только богословскаго, но и всякаго историческаго интереса, то нельзя отрицать обоихъ этихъ интересовъ въ тѣхъ частяхъ его сочиненія, гдѣ онъ наконецъ возвращается къ своей темѣ и излагаетъ ученіе преп. Максима 1) о совершенствѣ христіанскомъ и 2) о совершенствѣ жизни монашеской. Изучивъ вполне добросовѣстно творенія преп. Максима, авторъ ставитъ его изреченія въ связь съ современными проповѣднику нравоучителями и показываетъ внутреннюю согласованность и цѣлостность его нравственныхъ воззрѣній. Во вводной части къ сочиненію авторъ предпосылаетъ разсужденія объ отличительномъ свойствѣ духа преп. Максима—снѣдающей ревности о славѣ Божіей,—и такимъ образомъ даетъ читателю вообще довольно полное, хотя и не довольно подробное представленіе о проповѣдникѣ и о его проповѣди. Цѣль христіанскаго подвига по преп. Максиму есть общеніе съ Богомъ, лучшее средство къ тому — достиженіе

безстрастія путемъ аскетизма, и при томъ выражающагося преимущественно въ лишеніяхъ всякаго рода.

Если бъ авторъ посвятилъ всѣ свои годичныя занятія болѣе обстоятельному раскрытію нравственныхъ воззрѣній преподобнаго Максима, то составилъ бы отлично хорошее изслѣдованіе, но и то, что онъ успѣлъ исполнить, заслуживаетъ ему степени кандидата богословія“.

Экстра-ординарнаго профессора И. Н. Корсунскаго о сочиненіи студента *Оргійскаго Владимира*: „Святый Кириллъ, архіепископъ Іерусалимскій“.

„Названное сочиненіе раздѣлено на три части. Часть I-я, въ четырехъ главахъ, представляется вступительною и разсуждаетъ о времени, въ которое жилъ и дѣйствовалъ св. Кириллъ Іерусалимскій, о состояніи науки и литературы въ это время, о вліявіи классической образованности на виѣшнюю и внутреннюю сторону христіанской литературы и о церковной жизни Іерусалима за то же время (стр. 1—51). Часть II-я, въ двухъ главахъ, излагаетъ біографическія свѣдѣнія о св. Кириллѣ и бібліографическія—о писаніяхъ его (стр. 51—108). Наконецъ часть III-я занимается обзоромъ содержанія твореній сего св. Отца (въ гл. I) и характеристикю ихъ со стороны внутренней и виѣшной (гл. II), при чемъ имѣются въ виду почти исключительно лишь его огласительныя поученія (стр. 109—158). Сочиненіе г. Оргійскаго не закончено; по мѣстамъ страдаетъ недостаткомъ связи между отдѣльными частями (напр. стр. 130 и др.), повтореніями (напр. сн. стр. 122 и 133), въ иныхъ мѣстахъ недостаткомъ доказательности (напр. стр. 128) и другими недостатками. При всемъ томъ и широкое знакомство съ литературой предмета, и тщательное изученіе какъ этой самой литературы на разныхъ языкахъ (особенно на латинскомъ, на которомъ написано нѣсколько изслѣдованій о св. Кириллѣ), такъ и твореній св. Кирилла, при томъ не только въ русскомъ переводѣ, но и въ подлинникѣ греческомъ (по изданію Миня) и строгость направленія мысли даютъ автору полное право на присужденіе ему за это сочиненіе степени кандидата богословія“.

Ректора Академіи, Архимандрита Антонія о сочиненіи студента *Покровскаго Александра*: „Отвѣты препод. Варсануфія и Іоанна. Опытъ историческаго и нравственно-психологическаго изслѣдованія“.

„Планъ сочиненія чрезвычайно удачный. Послѣ краткаго введенія, разсматривающаго значеніе аскетической письменности для

богословской науки и христіанской жизни, авторъ изслѣдуетъ въ первой части своей диссертациі исторію происхожденія разбираемаго памятника и его дальнѣйшую судьбу, взлагаетъ весьма обстоятельно и самое житіе преподобныхъ писателей и общій характеръ ихъ творчества. Эта первая часть сочиненія превосходитъ вторую, какъ по количеству труда (авторъ изучалъ даже рукописные варианты Отвѣтовъ) такъ и по опредѣленности содержанія, преимущественно библиологическаго и историческаго. Свѣдѣнія того и другаго рода, собранныя авторомъ, были бы съ интересомъ прочитаны въ печати просвѣщенными любителями святоотеческихъ твореній.

Нельзя назвать неудачною и вторую часть сочиненія, но она не свободна отъ довольно существенныхъ ошибокъ. Авторъ излагаетъ собственно лишь ученіе обоихъ Отцевъ о постепенномъ положительномъ духовномъ усовершенствованіи подвижника, изрѣдка только касаясь нѣкоторыхъ другихъ не менѣе важныхъ предметовъ духовной жизни, напр., учительства, молитвы, паденій, страстей и т. п. Правда, эта неполнота отчасти искупается тою обстоятельностью, съ которою авторъ усвоилъ частнѣйшій предметъ, его такъ заинтересовавшій, но и здѣсь онъ выбралъ довольно невыгодный способъ изложенія: погнавшись за слишкомъ смѣлыми (хотя и удачными) обобщеніями, авторъ удаляется отъ прямыхъ словъ своего источника и въ подтвержденіе своихъ выводовъ приводитъ слишкомъ мало ссылокъ. Значеніе этихъ выводовъ оцѣнить читатель, хорошо знакомый съ самымъ святоотеческимъ произведеніемъ, но они покажутся вовсе небудительными для такого читателя, который вздумалъ бы знакомиться съ Отвѣтами по сочиненію нашего автора. Пріятнымъ исключеніемъ въ этомъ отношеніи послужитъ изложенное авторомъ ученіе Отцевъ о послушаніи и недовѣрїи себѣ и въ особенности—о безмолвіи, гдѣ цитация совершенно опредѣленная.—Въ заключеніе трехъ отдѣловъ второй части сочиненія, соответствующихъ тремъ важнѣйшимъ ступенямъ духовной жизни (отреченію, боренію и побѣдѣ), авторъ присоединяетъ четвертый: „отличительныя черты вравоченія преп. Варсануфія и Иоанна“. Здѣсь онъ намѣчаетъ чрезвычайно интересные предметы изслѣдованія, напр. объ аскетическомъ толкованіи свящ. Писанія, о свойствахъ самого изложенія Отвѣтовъ,—но вѣроятно за недостаткомъ времени предлагаетъ только конспектъ предположенныхъ заглавій. Распространивъ этотъ отдѣлъ и придавъ большую опредѣленность первымъ тремъ отдѣламъ второй

части, авторъ могъ бы напечатать очень интересную монографію объ изреченіяхъ преподобныхъ Варсануфія и Іоанна, имѣющихъ такое авторитетное значеніе въ глазахъ всего православнаго монашества и вообще Православной Церкви. Въ настоящемъ видѣ сочиненіе г. Покровскаго вполне достойно степени кандидата богословія.

И. д. инспектора Академіи, іеромонаха Сергія о сочиненіи студента *Покровскаго Владимира*: „Мораль французскихъ спиритуалистовъ“.

„Сочиненіе состоитъ изъ А) Введенія: весьма краткій очеркъ исторіи спиритуалистической философіи и разсужденіе о необходимости психологическаго обоснованія морали (1—30 стр.), В) четырехъ главъ: I—Кузенъ (30—102), II—Жуффрау (102—142), III—П. Жанэ (142—187) и IV—критика гносеологическаго принципа спиритуалистовъ, т. е. общаго сознанія (187—214) и С) заключенія (214—245).

Отсутствіе богословскаго воззрѣнія, котораго мы были бы вправѣ ожидать отъ нашего автора, много сократило его задачу и мыслительный трудъ, но оно же и лишило его сочиненіе значительной доли интереса и оригинальности: далѣе простаго сопоставленія взглядовъ спиритуалистовъ съ отрицательными авторъ не ушелъ и даже въ этомъ сопоставленіи является подражателемъ или Фулье или отрицательной школы. Поэтому, выводы изъ сочиненія и крайне скудны и незамысловаты и, по мѣстамъ, не очерчены въ достаточной степени. Впрочемъ, эти несовершенства критической стороны покрываются достоинствами стороны положительной: умѣлымъ, характернымъ изложеніемъ ученія спиритуалистовъ, сочиненія которыхъ авторъ изучилъ внимательно и трудолюбиво. Общая постановка дѣла также заслуживаетъ похвалы. Авторъ не разбрасываетъ по частностямъ, не загромождаетъ своего сочиненія ненужнымъ, нехарактернымъ матеріаломъ, — онъ выбираетъ изъ спиритуалистовъ только троихъ, наиболѣе выдающихся и останавливается на одной принципиальной сторонѣ ихъ ученія. Этотъ путь труднѣе прикладнаго: здѣсь предстоитъ сознанію сама основныя проблемы морали (вопросъ о свободѣ воли, о послѣднемъ основаніи нравственнаго закона и т. п.); но трудность эта безконечно вознаграждается тѣмъ захватывающимъ интересомъ, какой имѣютъ для мысли указанные вопросы.

Кандидатскую степень сочиненіе заслуживаетъ“.

И. д. ординарнаго профессора П. И. Казанскаго о сочиненіи

студента *Полозова Авенира*: „Нравственное учение Герберта Спенсера“.

„Разсматриваемое сочинение г. Полозова состоитъ изъ вступленія и двухъ частей изслѣдованія; изъ нихъ каждая въ свою очередь распадается на три главы.

Во *вступленіи* (1—20 стр.) послѣ общихъ замѣчаній относительно существенныхъ вопросовъ, которые должны быть рѣшены въ каждой заслуживающей вниманія нравственной системѣ, и о зависимости рѣшенія этихъ вопросовъ отъ такого или иного богословско-философскаго воззрѣнія на міръ и жизнь вообще, авторъ сообщаетъ нѣкоторые предварительныя свѣдѣнія о нравственной системѣ Герберта Спенсера, какъ попыткѣ изложить нравственное учение съ точки зрѣнія эволюціонизма: сообщивъ нѣсколько библиографическихъ свѣдѣній о появленіи философскихъ сочиненій Герберта Спенсера и въ частности сочиненій его, занимающихся рѣшеніемъ нравственныхъ вопросовъ, авторъ кратко излагаетъ понятіе Спенсера объ этикѣ, ея области, задачѣ и методѣ, знакомитъ съ содержаніемъ его сочиненія: „Основанія науки о нравственности“ и характеризуетъ планъ этого сочиненія и наконецъ указываетъ свой планъ, котораго будетъ держаться при изложеніи и критикѣ ученія Г. Спенсера. По этому плану сочиненіе г. Полозова раздѣляется на двѣ главныя части: въ первой изъ нихъ авторъ предположилъ изложить учение Герберта Спенсера о сущности и происхожденіи морали и объ основномъ нравственномъ принципѣ, во второй—критически разсмотрѣть и оцѣнить эти стороны нравственнаго ученія Герб. Спенсера.

Въ *первой* главѣ (стр. 21—83) сочиненія, носящей заглавіе: „*понятіе о морали*“, авторъ указываетъ на зависимость понятія Герберта Спенсера о морали съ одной стороны отъ его агностицизма, а съ другой отъ эволюціонизма. Несмотря на то, что Г. Спенсеръ крѣпко вѣритъ въ силу и прогрессъ мышленія, онъ однако-жъ думаетъ, что есть такія сферы, куда человѣческое мышленіе проникнуть не можетъ. Къ числу такихъ недоступныхъ для человѣческаго мышленія предметовъ принадлежатъ вопросы о происхожденіи міра, о природѣ вселенной, о пространствѣ и времени, дѣлимости матеріи, покоѣ и движеніи; таковъ же вопросъ о сущности Божества; всѣ эти предметы непознаваемы. Отсюда Спенсеръ дѣлаетъ выводъ, что объяснять явленія морали началами—религій или науки—непознаваемыми не слѣдуетъ; это значило бы вводить себя въ обманъ; напротивъ нужно идти отъ

извѣстнаго къ неизвѣстному, отъ міра къ Богу, отъ морали къ абсолютному, а не наоборотъ; иначе получится не научная, а фантастическая, воплія произвольная теологія. Но имѣтъ какое либо понятіе о томъ, что такое добро и зло, намъ всетаки необходимо. Этотъ и подобные общіе вопросы, неотступно требующіе отъ насъ рѣшенія, по мнѣнію Герберта Спенсера, могутъ быть рѣшены при помощи подмѣченнаго наукою, господствующаго всюду, закона эволюціи: все въ этомъ мірѣ развивается; развитие идетъ очень медленно, но неуклонно и закономѣрно, — отъ безсвязной и неопредѣленной однородности къ связной и опредѣленной разнородности (49 стр.). Съ этой точки зрѣнія онъ разсматриваетъ и мораль и видитъ въ ней не болѣе, какъ одинъ изъ элементовъ общеэволюціоннаго космическаго процесса. Съ той же точки зрѣнія Спенсеръ опредѣляетъ и цѣль человѣческой жизни и видитъ ее въ достиженіи наибольшаго земнаго благополучія при помощи возможно наилучшаго приспособленія къ условіямъ жизни. Въ заключеніе главы, какъ выводъ изъ предшествующаго, сообщаетъ понятіе Герберта Спенсера о нравственномъ.

Во *второй* главѣ (84—140 стр.), носящей заглавіе: „*генезисъ морали*“, указавъ на критическія замѣчанія Герберта Спенсера, направленные имъ противъ теологической, государственной и утилитарной теоріи происхожденія и развитія морали, авторъ излагаетъ его эволюціонную теорію происхожденія міра, животнаго царства и возникновенія человѣческой жизни. Здѣсь въ частности раскрывается ученіе Герберта Спенсера о состояніи первобытнаго человѣка въ физическомъ, умственномъ и нравственномъ отношеніи и о постепенномъ его усовершенствованіи во всѣхъ этихъ отношеніяхъ подъ вліяніемъ съ необходимостью дѣйствующаго всюду закона эволюціи. Тогда какъ въ первобытномъ состояніи человѣкъ былъ жестокимъ эгоистомъ, дикимъ звѣремъ и вслѣдствіе этого первый болѣе ранній періодъ морали былъ царствомъ борьбы всѣхъ противъ всѣхъ, царствомъ неограниченнаго эгоизма; впослѣдствіи подъ вліяніемъ разнообразѣвшихъ условій и опытовъ жизни человѣкъ мало по малу становился лучше въ нравственномъ отношеніи; особенно подъ вліяніемъ развившейся политической власти, власти религіозной и силы общественнаго мнѣнія онъ приходитъ къ убѣжденію, что ему невыгодно быть крайнимъ эгоистомъ, потому періодъ господства неограниченнаго эгоизма смѣняется періодомъ эгоизма относительнаго. Современное состояніе человѣчества представляетъ третій періодъ развитія морали (періодъ аль-

труизма), когда люди начинаютъ возвышаться до сознанія, что надобно дѣлать добро и избѣгать зла не вслѣдствіе постороннихъ, чисто-внѣшнихъ соображеній, а единственно по ясному пониманію того, что добрыя дѣйствія сопровождаются полезными и добрыми послѣдствіями, а дурныя наоборотъ—вредными и гибельными послѣдствіями какъ для самого совершителя этихъ дѣйствій, такъ и для его окружающихъ. Въ заключеніи главы раскрывается взглядъ Герберта Спенсера на свободу воли человѣка и чувство долга: свобода воли имъ отрицается и понимается имъ не болѣе, какъ сознаніе человѣка о ходѣ своей внутренней жизни, совершающейся по необходимымъ законамъ эмоціи; что же касается чувства долга, то Спенсеръ признаетъ его дѣйствительнымъ фактомъ, но объясняетъ его по своему, видитъ въ немъ не изначальное, присущее природѣ человѣка чувство, но не болѣе, какъ результатъ явленій опыта, и притомъ результатъ временный: не далеко то время, когда чувство долга исчезнетъ, какъ не нужный наростъ въ нравственной организаціи современнаго человѣка и нравственное поведеніе будетъ просто естественнымъ.

Въ *третьей* главѣ сочиненія излагается ученіе Герберта Спенсера объ основномъ нравственномъ принципѣ. Такимъ принципомъ онъ объявляетъ рациональный утилитаризмъ, существенное требованіе котораго можетъ быть выражено такъ: стремясь къ своему удовольствію и счастію, человѣкъ не долженъ забывать и правъ своихъ ближнихъ, — и думаетъ, что только руководясь этимъ нравственнымъ началомъ можно достигнуть всеобщаго благополучія. Правильность своего принципа Спенсеръ доказываетъ *съ одной стороны* указаніемъ на то, что нѣтъ ни одной школы, которая не считала бы своею конечною цѣлью пріятнаго состоянія чувствованія, какимъ бы именемъ оно ни называлось—удовольствіемъ ли, наслажденіемъ ли, или счастіемъ,—указаніемъ на то, что системы, проповѣдующія чистый альтруизмъ, совершенное самоотверженіе, оказываются не состоятельными, если ими не имѣется въ виду, какъ цѣль, такое или иное удовольствіе, — что удовольствіе лежитъ въ осовѣ и всякаго альтруизма (157 стр.). Правильность своего принципа Спенсеръ доказываетъ *съ другой стороны* подробнымъ раскрытіемъ значевія *справедливости* для нравственнаго поведенія; иначе руководствуясь только началомъ своей личной пользы, удовольствія или наслажденія, люди стали бы грубыми и жестокими эгоистами; усилилось бы борьба за существованіе. Здѣсь же излагается его ученіе объ обязанностяхъ каждаго въ отношеніи къ себѣ

самому,—къ другимъ и обязанностямъ общества къ каждому отдѣльному члену его,—о необходимости какъ эгоизма, такъ и альтруизма и объ отношеніи другъ къ другу, о преимуществѣ утилитаризма рациональнаго предъ эмпирическимъ и предъ чистымъ альтруизмомъ, о возможности достиженія цѣли жизни — возможно полного земнаго благополучія—при руководствѣ вышеуказаннымъ нравственнымъ началомъ. Въ заключеніе изображается будущее морали, которое Спенсеру представляется въ самыхъ розовыхъ краскахъ.

Четвертою главою начинается *вторая* часть разсматриваемаго сочиненія—критическая. Въ этой главѣ (225—282 стр.), послѣ нѣсколькихъ замѣчавій объ условіяхъ и приемахъ плодотворной критики ученія Спенсера и о критеріи истины, авторъ обращается къ разбору ученія Спенсера, что невозможно построить систему нравственнаго ученія на ученіи о Богѣ, Который непознаваемъ, и что надобно строить такую систему на основаніи закона эволюціи. Въ опроверженіе положенія о непознаваемости Абсолютнаго авторъ, не отрицая доли правды въ этомъ ученіи, указываетъ однакожь на то, что Спенсеромъ сильно преувеличена эта сторона дѣла: изъ факта непостижимости Абсолютнаго въ Его сущности Спенсеръ вывелъ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ — полную Его непознаваемость во всѣхъ отношеніяхъ; затѣмъ указываются ошибки и противорѣчія въ доказательствахъ непознаваемости божества; въ тоже время авторъ старается показать несостоятельность того понятія о нравственно добромъ, къ которому приходитъ Спенсеръ съ своей эволюціонной точки зрѣнія. Для автора это служитъ основаніемъ вывода, что съ точки зрѣнія Спенсера не возможно дать истиннаго понятія о добромъ и зломъ. Наконецъ авторъ направляетъ свою критику противъ возможности объяснить явленія нравственной жизни закономъ эволюціи; въ основаніи его возраженія противъ этого пункта ученія Спенсера лежатъ мысли, что сущность эволюціи и сущность нравственности различны, что подчиняясь въ своей жизни только законамъ космической эволюціи, человѣкъ не могъ бы имѣть нравственнаго чувства, не вышелъ бы изъ состоянія животности и не могъ бы придти къ понятію о добромъ и зломъ и что человѣкъ становится существомъ нравственнымъ вслѣдствіе того, что въ его душѣ заложено стремленіе къ нравственному совершенству, вполне независимое отъ закона эволюціи.

Въ *пятой* главѣ (283—333 стр.) своего сочиненія авторъ под-